

«Всякая хреновина быта жизни»

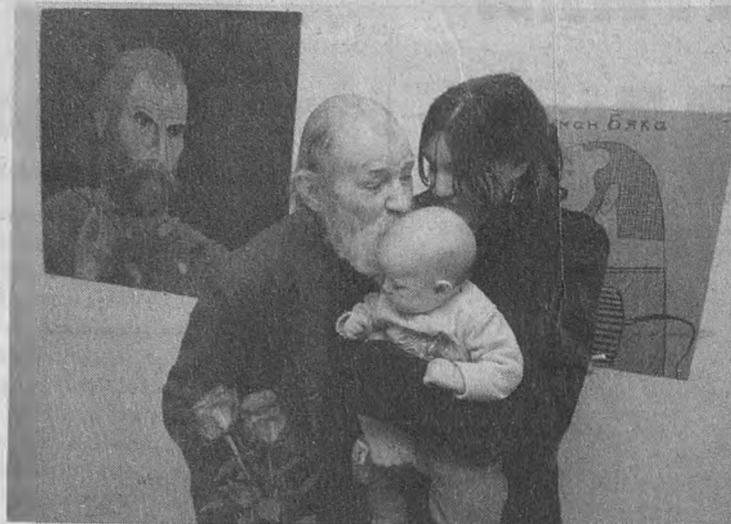
В Петербурге чествуют Владлена Гаврильчика

КоммерсантЪ 8 - 2004 - 23 нояб. - с. 22

юбилей андерграунд

В честь 75-летия художника-поэта Владлена Гаврильчика, легенды и мифа ленинградско-петербургского андерграунда, в галерее «Борей» выставили его рисунки и выпустили новый сборник стихов и прозы «Упражнения в ужасной словесности», а в галерее «Квадрат» вывесили подписные постеры с самых известных его картин. Рассказывает **АННА ТОЛСТОВА.**

Может показаться, что к юбилею плохо подготовились. В полуподвале принципиально бедного «Борей» — рисунки фломастером на больших кусках картонных коробок. Новых персонажей нет: мужички в ватниках и валенках, свирепые атаманы, мечтательные пограничники, сногшибательно красивые девушки и, конечно, сам виновник торжества — «народный машинист СССР Владлен Гаврильчик». Все это — по мотивам старых картин и выставленных здесь же древних почеркушек, сделанных на каких-то квитанциях, накладных, в

Владлен Гаврильчик предстал на своих юбилейных выставках добрым дедушкой питерского андерграунда ФОТО АЛЕКСАНДРА РАЗУВАЕВА

школьной тетрадке «для записи всякой хреновины быта жизни» с портретом Добролюбова, которому пририсованы улитганские рожки, — сработано за последние две недели. «Очень хлопотно собирать вещи по коллекционерам, — объясняет художник. — Вот решил изготовить новые — я еще вполне трудоспособен».

В чистеньком, с претензией «Квадрате» и вовсе торжествует эпоха технической воспроизводимости: выставлены принты со слайдов — репродукции «классических» гаврильчиковских картин. Пролетарский натюрморт с букетиком алюминиевых вилок-ложек в кружке, пейзаж с развалившимся колодцем, пригорюнившийся под

грибочком-зонтиком на лавочке гитарист-стиляга и старушка в драповом пальто. И, конечно, автопортреты: Гаврильчик лирический в веночке и с кисточкой, Гаврильчик трагический аля Рембрандт, Гаврильчик надувшийся аля Брейгель. Оригиналы опять же не собрать по коллекционерам. Но, по словам автора, «пропущенные через компьютерную всякую технологию, они приобретают особый шарм».

Этот минималистский формат в случае признанного классика питерского неофициального искусства вполне уместен. С одной стороны, «народный машинист» — легенда, и сказанного им ранее достаточно: сказанное в поэзии разошлось на поговорки («торжественно всходило лентгорсолнце, приятный разливая лентгорсвет»), а сказанное в живописи растворилось в музейных и частных собраниях. Мифологический персонаж, гибрид Аполлона и Марсия, очертя голову бросившийся вниз, как с Олимпа на грешную землю, по советской социальной лестнице: из моря-

ков-пограничников — в богему. Шкипер грунтоотвозной шланланды, машинист станции подмеса, проводник почтового вагона — так удобнее было ездить в Москву к друзьям-художникам: к Илье Кабакову и Эрику Булатову. Ветеран «газаневщины» и самиздата. С другой стороны, «народный машинист» — легенда живая и на лаврах поживать не собирающаяся, на что указывает римско-арабская дата MM4 (то есть 2004) на рисунках и постерах.

Кстати, картонные коробки отлично вписываются в эстетическую программу Владлена Гаврильчика — «экономический реализм»: доска, краски и холст дороги — так вот вам такое стихийное *arte povera*, бедное искусство. А насчет реализма сам художник говорит, что руководствовался старинным штурманским правилом — «пишем то, что наблюдаем, чего не наблюдаем, того не пишем». И писал корабли, морячков, замусоренные берега Невок, наблюденные в шкиперские годы. Нежнейшие натюрморты с прозрачными пу-

зырьками и флягами, подсмотренными то ли у голландцев-фламандцев в Эрмитаже, то ли в альбомах в Публичке. Поющих большевиков по фотографиям из газеты «Правда», потому что «„Правда“ — больше чем реальность». Руслана в тельняшке, замахнувшегося сабелькой на усатую голову в картузе, которую кто-то аккуратно посадил на клумбу, потому что солнце русской поэзии, для Гаврильчика-поэта так и не закатившееся, было и остается главным источником сюжетов для наивных художников.

Прикидывался простачком-примитивистом, только простота эта с «приподвывертом», очень хорошо все про себя и свое место в «мировой художественной культуре» понимающая. Простота обэриутская, в ленинградском искусстве все время аукающаяся: то в поэзии Олега Григорьева, то в живописи «мильков». Наперекор всему все еще актуальная: как сказал Владимир Шинкарев, «если живопись и стихи таких, как Гаврильчик, устаревают, то грош цена такой современности».